

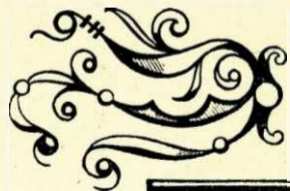
№ 25 (527) Парижъ

15 Юня 1935 г.

LA RUSSIE ILLUSTRÉE

Цѣна отд. № - 2 Фр
12-й годъ изданія

ИЛЛЮСТРИРОВАННАЯ

РОССІЯ

ПУШКИНЪ и ГОГОЛЬ

Пушкинъ познакомился съ Гоголемъ въ маѣ 1831 года по рекомендаціи П. А. Плетнева, предложившаго его вниманію стихотворенія поэта - лицеиста Деларю и повѣсти не-извѣстнаго еще автора, объединенныя общимъ именемъ «Вечеромъ на хуторѣ близъ Диканьки». Фамилія автора была Гоголь - Яновскій. П. А. Плетневъ просилъ Пушкина прочесть эти «Вечера» и высказать о нихъ свое мнѣніе.

Пушкинъ жилъ въ это время въ Москвѣ и усиленно ухаживалъ за Н. Н. Гончаровой. Въ его жизни совершался крутой и сложный переломъ. Ему было не до чтенія повѣстей. Женившись въ маѣ, онъ пріѣхалъ въ Петербургъ съ молодой женой и познакомился при посредствѣ Плетнева съ Гоголемъ.

Плетневъ еще ранѣе, чѣмъ съ Пушкинымъ, познакомилъ Гоголя съ В. А. Жуковскимъ, который, по свойственной ему мягкостью и деликатностью, обласкалъ застѣнчивато малоросса, пріѣхавшаго въ Петербургъ искать счастья на чиновничьемъ поприщѣ.

Осенью 1831 года Пушкинъ и Жуковскій ввели его въ салонъ А. О. Россети. А. О. записываетъ о Гоголѣ свои первыя впечатлѣнія:

«Онъ... кажется, очень уменъ, но говорить мало, такъ какъ очень застѣнчивъ. Онъ показался мнѣ грустнымъ и неловкимъ; но онъ — настоящій малороссъ. Я просила Плетнева привести мнѣ когда - нибудь этого Гоголя - Яновскаго; и хочу его видѣть, потому что онъ «изъ - подъ монумента». Онъ отказался прійти; онъ слишкомъ робокъ. А мнѣ такъ хочется поговорить съ хохломъ, съ настоящимъ, слышать хохлатый говоръ.

«Наконецъ — то Сверчокъ и Бычокъ, мои два арзамасскіе звѣря, привели ко мнѣ Гоголя - Яновскаго*»).

Загѣмъ А. О. сообщаетъ, что Гоголь подъ влияніемъ Жуковскаго выучился нѣмецкому языку и довольно хорошо его понимаетъ. Отъ наблюдательности А. О. Россети не ускользнуло, что достаточно Пушкину обра-

титься къ Гоголю, чтобы онъ просіялъ.

«Когда онъ услышалъ, что я называю его Искрой, онъ нашелъ это прозваніе очень подходящимъ, болѣе поэтическимъ, чѣмъ Сверчокъ. Сверчокъ очень добръ, онъ быстро приручилъ бѣднаго хохла — грустнаго, робкаго и упрямаго».

«Жуковскій въ восторгѣ отъ того, что ему удалось притащить управшаго хохла.

«Я общала Пушкину бранить бѣднаго хохла, если онъ будетъ слишкомъ грустить въ Сѣверной Пальмирѣ, гдѣ солнце всегда имѣетъ такой болѣзненный видъ. Пушкинъ говорить, что сѣверное лѣто — карикатура южныхъ зимъ. Они такъ дразнили Гоголя за его дикость и застѣнчивость, что онъ наконецъ пересталъ стѣсняться и самъ очень доволенъ тѣмъ, что пришелъ ко мнѣ съ конвоемъ».

Наконецъ Пушкинъ самъ побывалъ у Гоголя, посидѣлъ у него въ гостяхъ.

«Онъ провелъ у него нѣсколько часовъ: просматривалъ его тетради, его замѣтки, — все, что онъ записывалъ по дорогѣ. Онъ пораженъ тѣмъ, какъ много наблюдений Гоголь сдѣлалъ уже на пути отъ Полтавы до Петербурга, онъ записывалъ даже разговоры, описывалъ города, въ которыхъ онъ останавливался, различныхъ людей и мѣстности, отмѣчая разницу между жителями сѣвера и хохлами. Пушкинъ кончилъ тѣмъ, что сказалъ:

«— Онъ будетъ русскимъ Стерномъ. У него оригинальный талантъ. Онъ все видитъ, онъ умѣетъ смѣяться, а вмѣстѣ съ тѣмъ онъ грустенъ и заставитъ плакать. Онъ схватываетъ оттѣнки и смѣшныя стороны; у него есть юморъ, и раньше, чѣмъ черезъ десять лѣтъ, онъ будетъ первокласснымъ талантомъ. У него есть и драматическое чутье».

Эта замѣтка А. О. Россети представляетъ собою несомнѣнно резюме длинной и вдумчивой бесѣды Пушкина о свойствахъ дарованія Гоголя. Пушкинъ угадалъ Гоголя.

Если же принять во вниманіе, что въ эти какъ разъ годы Пушкинъ интересовался «Сентиментальнымъ путешествіемъ» Стерна

и даже предлагалъ А. О. Россети перевести и вмѣстѣ его издать, то будетъ ясно, что въ душѣ Пушкина объединились образы Стерна, англійскаго юмориста, съ образомъ Гоголя, будущимъ русскимъ юмористомъ.

Заинтересовавшись духовной личностью Гоголя, Пушкинъ сталъ подходить къ нему ближе. Онъ неоднократно посѣщалъ его на Малой Морской (улица Гоголя) и въ Столярномъ переулкѣ.

Такъ, однажды, онъ пробылъ у него цѣлыхъ четыре часа, причемъ далъ ему сюжетъ для романа, который, какъ «Донъ - Кихотъ», долженъ быть раздѣленъ на пѣсни. Герой будетъ путешествовать по провинціи, причемъ Гоголь долженъ воспользоваться всѣми своими путевыми замѣтками и наблюденіями.

Въ виду того вниманія, которое началъ уделять Гоголю Пушкинъ, А. О. Россети старалась приглашать къ себѣ Гоголя въ тѣ разы, когда будутъ у нея великій князь Михаилъ и государь, чтобы они также на всякій случай знали Гоголя.

Гоголь читалъ при великомъ князѣ «Майскую ночь».

Въ запискахъ А. О. Россети значитъ:

«Гоголь читаетъ очень хорошо. Онъ оживаетъ, становится не такимъ неловкимъ, смѣется про себя, когда смѣшно. При чтеніи пропадаетъ и его акцентъ».

«Говорили о Малороссіи, о гетманахъ».

«У Пушкина были цѣлые взрывы остроумія. Когда онъ въ ударѣ — это просто фейерверкъ. А его гомерическій, заразительный смѣхъ! Во всемъ мірѣ нѣтъ челоука, менѣе его рисующагося. Это — большая прелесть».

«Великій князь во преимуществу обращался къ Пушкину, который великаго князя не боялся, съ которымъ говорилъ свободно, но

ПУШКИНСКІЯ МѢСТА

Старый Тригорскій парк со знаменитой вѣковой елью, — любимое мѣсто прогулокъ Пушкина.

говорилъ и съ Гоголемъ, который былъ очень застѣнчивъ и молчаливъ».

Гоголь, бѣдный провинціалъ — малороссъ, сразу попалъ въ блестящій салонъ фрейлины, въ близкое общеніе съ государемъ и его братомъ. — людьми, для него при общихъ условіяхъ недостижимыми, и видѣлъ самъ, какъ держалъ себя уже прославленный знаменитый поэтъ Пушкинъ въ ихъ присутствіи, какъ острилъ и каламбурилъ, и какъ отъносились къ нему эти высокостоящіе люди. Густыи и сосредоточенный, скромный и брызливый, онъ боялся сказать слово, кромѣ чтенія своихъ повѣстей, и только слушалъ, впитывая въ свою внимательную душу всякія свѣдѣнія, совѣты и все то, что говорилъ Пушкинъ, котораго все сегодворило въ этомъ кружкѣ.

«Государь же не только съ нимъ познакомился, но и долго и очень милостиво съ нимъ говорилъ, въ теченіе всей жизни не забывая его».

Въ другой разъ Гоголь читалъ «Миргородъ».

«Надъ Пульхеріей Ивановной плакали. А потому Сверчокъ такъ смѣялся, что Марья Савельевна»), разливая чай, объявила ему, что когда она будетъ умирать, то для храбрости пошлетъ за нимъ».

«Гоголь сказалъ Плетневу, что думалъ о своей матери, когда описывалъ Пульхерію Ивановну».

Пушкинъ въ одинъ изъ очередныхъ вечеровъ читалъ въ кружкѣ А. О. Россети только — что имъ написаннаго «Моцарта и Сальери» и нѣкоторыя мѣста изъ «Евгенія Онѣгина». На чтеніи присутствовали въ числѣ другихъ и Гоголь, который всегда устранился въ отдаленномъ уголку, чтобы это не было видно, гдѣ-нибудь сзади Жуковскаго и Плетнева, и зорко слѣдилъ за Пушкинымъ, вливаясь въ него всею своимъ существомъ.

*) Марья Савельевна была экономкой А. О. Россети.

До сюжета «Мертвыхъ душъ» Пушкинъ далъ Гоголю сюжетъ такого содержанія:

«Какой — то игрокъ прѣзжаетъ въ провинцію, и его принимаютъ за важное лицо. Эта исторія не выдуманная».

Такъ рассказываетъ А. О. Россети:

«Дѣйствительно, такой случай произошелъ съ самимъ Пушкинымъ — и онъ началъ было писать самъ комедію «Ревизоръ», но изъ этого ровно ничего не вышло».

О сюжетѣ, данномъ Пушкинымъ Гоголю, А. О. Россети рассказала почти въ тотъ же вечеръ государю, который заинтересовался, что можетъ сдѣлать Гоголь изъ такой темы.

Нѣсколько времени спустя, Гоголь читалъ въ присутствіи великаго князя Михаила Павловича и другихъ гостей кружка А. О. Россети — В. А. Жуковскаго, кн. П. А. Вяземскаго, кн. Влад. Одоевскаго, П. А. Плетнева, гр. Вильгорскаго и др. — «Сорочинскую ярмарку», а Пушкинъ — свои стихи къ Филарету, «Поэтъ» и др. Гоголь встрѣчалъ полное одобреніе слушателей своему артистическому чтенію, а Пушкинъ читалъ скверно: онъ торопился и читалъ монотонно.

Добрыя отношенія у Пушкина съ Гоголемъ становились уже настолько близкими, что иногда они приходили къ А. О. Россети вмѣстѣ, днемъ, послѣ прогулокъ по Морской.

Однажды рѣчь зашла о греческой литературѣ, о Спινόзѣ, Боссуэтѣ и Фенелонѣ, о Мопертюи, Леметрѣ, Фонтенеллѣ, даже о Декартѣ, Паскалѣ, Ньютонѣ и т. д., и, конечно, самыя интересныя мысли и соображенія высказывалъ Пушкинъ. Гоголь не вмѣшивался въ разговоръ и молча слушалъ, «отъ времени до времени заноса слышанное въ карманную книжку». Пушкинъ, окончивъ изложеніе своихъ мыслей, поспѣшно, и какъ всегда, шумно и бѣгомъ сталъ собираться уходить на обѣдъ къ кн. П. А. Вяземскому. Послѣ ухода тутъ остались: А. О. Россети, Жуковскій и Гоголь.

Жуковскій сказалъ Гоголю:

«— Ты записываешь то, что говоритъ Пу-

шкинъ. И прекрасно дѣлаешь. Попроси А. О. показать тебѣ ея замѣтки, потому что каждое слово Пушкина драгоценно. Когда ему было 18 лѣтъ, онъ думалъ, какъ 30-лѣтній человекъ. Умъ его созрѣлъ гораздо раньше его характера. Это часто поражало насъ съ Вяземскимъ, когда онъ былъ еще въ лицѣ. Онъ думалъ о столькихъ предметахъ и такъ свѣдущъ въ иностранной словесности. Прочешь ли ты то, что онъ тебѣ совѣтовалъ?».

«— Я прочелъ «Опыты» Монтеня, «Мысли» Паскаля. «Персидскія письма» Монтескье, «Характеръ» Ла - Брюйера, «Мысли» Воуенарга. Онъ указалъ мнѣ и трагедіи Расина и Корнеля, которыя я долженъ прочесть. Еще я прочелъ басни Лафонтена. О Вольтерѣ и энциклопедистахъ онъ мнѣ сказалъ, что я могу не читать ихъ, но посоветовалъ прочесть сказки Вольтера, такъ какъ онъ находитъ, что это — лучшее изъ написаннаго имъ. Даль онъ мнѣ прочесть «Донъ - Кихота» по-французски и всего Мольера. Затѣмъ я прочелъ нѣмецкія книги, что вы мнѣ дали, и переводы Шекспира».

Жуковскій, одобрительно выслушавъ Гоголя, наставительно прибавилъ: «Читай только то, что есть лучшаго въ нѣмецкой и англійской литературѣ, такъ какъ ты долженъ писать».

Изъ этого мы видимъ, съ какимъ тепломъ и вниманіемъ относились къ Гоголю Пушкинъ и Жуковскій. Они оба очень заботились о расширеніи его умственного кругозора, объ его литературныхъ вкусахъ, о томъ, чтобы ввести его въ сокровищницу духа и литературной мысли Запада, такъ какъ онъ «долженъ писать», такъ какъ писательство есть основное качество его души и его дарованій.

Лѣто 1831 года Пушкинъ, Жуковскій и Гоголь провели въ близкомъ общеніи.

2 ноября 1831 года Гоголь писалъ своему другу А. С. Данилевскому: «Все лѣто я прожилъ въ Павловскѣ и въ Царскомъ Селѣ. Почти каждый вечеръ собирався мы: Жуковскій, Пушкинъ и я. О, если бы ты зналъ, сколько прелестей вышло изъ — подъ пера этихъ мужей! У Пушкина повѣсть, октавами написанная («Жухарка»), въ которой вся Коломна и петербургская природа живая. Кромѣ того, сказки русскія народныя — не то, что «Русланъ и Людмила», но совершенно русскія. Одна написана даже безъ размѣра, только съ рифмами, и прелестъ невообразимая**»). У Жуковскаго тоже русскія народныя сказки, и — чудное дѣло — Жуковскаго узнать нельзя. Кажется, появился новый обширный поэтъ***»).

Изъ этихъ строкъ Гоголя мы видимъ, что три новыхъ друга всецѣло охвачены и поглощены литературными интересами.

Въ 1832 году Гоголь пишетъ А. С. Данилевскому, служившему со своимъ кавалерійскимъ полкомъ на Кавказѣ: «Посылаю тебѣ вторую книжку «Вечеровъ» и, на удачу, Онѣгина. Можетъ быть, у васъ въ глуши его еще не читали. Въ такомъ случаѣ ты обомлѣешь отъ радости и, вѣрно, не найдешь словъ, чѣмъ выразить мнѣ свою благодарность****»).

Въ письмѣ къ Ив. Ив. Дмитріеву, автору «Чужого толка», другу В. А. Жуковскаго,

*) «Домикъ въ Коломнѣ».

**) Сказка про Балду.

***) «Письма Н. В. Гоголя», т. 1, стр. 196.

****) «Письма Н. В. Гоголя», т. 1, стр. 207.

Остатки одной из трех сосен, воспѣтыхъ Пушкинымъ въ стихотвореніи «Опять на родинѣ».

бывшему министру народнаго просвѣщенія, Гоголь пишетъ 30 ноября 1932 г.:

«Видѣлся съ Пушкинымъ. Газеты онъ не будетъ издавать — и лучше! Въ нынѣшнее время приняты за опозоренное ремесло журналиста не слишкомъ лестно и для неизвѣстнаго человѣка; но гению этимъ заняться, значитъ — помрачить чистоту и непорочность души своей и сдѣлаться обыкновеннымъ человѣкомъ».

Съ такими взглядами стоялъ Гоголь на распутьѣ. Въ своихъ «Письмахъ» онъ говоритъ: «я даже позабылъ, что я — творецъ этихъ «Вечеровъ». Да обречутся они неизвѣстности, покажѣтся что — нибудь увѣстное, великое, художническое не изыдетъ изъ меня. Но я стою въ бездѣйствіи, въ неподвижности. Мелкаго не хочется, а великое не выдумывается».

Во второй половинѣ 1833 г. Гоголь близко сходится съ М. П. Погодинымъ и часто пишетъ ему, попутно сообщая о работахъ Пушкина.

Весь сентябрь 1833 года Пушкинъ провель въ путешествіи: онъ былъ въ Нижнемъ — Новгородѣ, въ Казани, въ Симбирскѣ и наконецъ въ Оренбургѣ, собирая матеріалы для «Исторіи Пугачевского бунта».

Въ это свое путешествіе Пушкинъ еще разъ увидѣлъ коренную Россію со всей ея темнотой, рабствомъ и низменностью жизни. Нѣтъ сомнѣній, Пушкинъ искренно скорбѣлъ за Россію.

Очевидно, для Россіи нужны реформы, необходимо просвѣщеніе, но ихъ нѣтъ. Какъ быть? Тѣ, кто управляетъ Россіей, страны совсѣмъ не знаютъ. Надо имъ открыть Россію. Но какъ? Разрѣшеніе этого вопроса тревожило горячее воображеніе Пушкина. Онъ считалъ своимъ гражданскимъ долгомъ что — то сдѣлать для будущаго Россіи, но, какъ писатель, онъ имѣлъ въ своемъ распоряженіи только одинъ способъ, только лите-

ратурное орудіе — художественные образы и эзоповскій языкъ.

Гоголь просилъ Пушкина оказать ему протекцію у министра народнаго просвѣщенія гр. Уварова въ назначеніи его въ Кіевскій университетъ, профессоромъ по кафедрѣ исторіи. Пушкинъ ему обѣщалъ и дѣлалъ въ этомъ направленіи энергичные шаги.

Половину 1833-го и весь почти 1834 годъ Гоголь былъ увлеченъ исторіей и подготовкой къ профессурѣ, но, одновременно съ этимъ, онъ издавалъ «Арабески» и «Миргородъ».

Въ декабрѣ 1834 г. онъ пишетъ Пушкину записку:

«Вышла вчера довольно неприятная зацѣпка по цензурѣ по поводу «Записокъ сумасшедшаго», но, слава Богу, сегодня немного лучше. Жаль однако-жъ, что мнѣ не удалось видѣться съ вами. Я посылаю вамъ предисловіе; сдѣлайте милость, просмотрите, и, если что, то поправьте и переищите тутъ же чернилами*). Я вѣдь, сколько вамъ извѣстно, серьезныхъ предисловій еще не писалъ, а потому въ этомъ дѣлѣ совершенно неопытенъ. Вѣчно вашъ Гоголь».

Посылая Пушкину два экземпляра «Арабесковъ», Гоголь пишетъ:

«Посылаю... одинъ экземпляръ для васъ, а другой, разрѣзанный, для меня. Вы читайте мой и, сдѣлайте милость, возьмите карандашъ въ ваши ручки и никакъ не останавливайте негодования при видѣ ошибокъ, но то же часъ ихъ всѣхъ (сикъ!) налицо. Мнѣ это очень нужно.

«Пошли вамъ Богъ достаточнаго терпѣнія при чтеніи. Вашъ Гоголь».

Такимъ образомъ мы можемъ шагъ за шагомъ прослѣдить, какъ отношенія Пушкина къ Гоголю и Гоголя къ Пушкину, начавшіяся запросто, крѣпли, превратившись въ тихую,

пріятельскую связь гениевъ, гдѣ одинъ — авторитетъ, а другой — подчинившійся этому авторитету. Это — дружба простыхъ душой, но гениальныхъ по переживаніямъ людей, — людей съ различной душевной тенденціей. Въ этой духовной связи первую роль игралъ, конечно, Пушкинъ. Весь восторгъ, все вниманіе, все обожаніе Гоголя было обращено на Пушкина: Пушкинъ умѣлъ правиться, когда онъ этого хотѣлъ, онъ умѣлъ открывать богатая сокровищницы своего духа, умѣлъ уловлять и покорять человѣческія сердца яркимъ сіяніемъ своего ума.

Наступилъ 1835-й годъ.

Увлеченіе исторіей стало проходить у Гоголя. Его настроенія и мысли вновь стали сосредоточиваться на литературныхъ сюжетахъ, онъ возвращался снова въ свою сферу.

Въ это время Пушкинъ вліялъ на него въ томъ смыслѣ, что маленькія повѣсти не даютъ писателю имени, и что для того, чтобы дѣйствительно прославиться и заслужить память потомства, надо написать что — нибудь большое, цѣльное, что — нибудь такое, гдѣ бы всѣ качества писателя, какъ творца, вышли на свѣтъ Божій. Пушкинъ предлагалъ Гоголю рассказать бытъ русскихъ помѣщиковъ и дать галерею типовъ на основаніи тѣхъ замѣтокъ, которыя онъ уже сдѣлалъ при своемъ первомъ путешествіи изъ Полтавы въ Петербургъ. Вышней литературной формой слѣдуетъ избрать, — совѣтовалъ Пушкинъ, — путешествіе русскаго человѣка по Россіи; но какое путешествіе?... Въ эту пору до Пушкина дошло извѣстіе, что на югѣ Россіи появился новый видъ спекуляціи съ крестьянами, но не съ живыми, а съ мертвыми, при чемъ купленные мертвыя души закрѣплялись за покупщикомъ, а затѣмъ закладывались въ Государственномъ банкѣ, за что получались довольно крупныя ссуды, какъ за живыя. Пушкину даже назвали фамилію одного такого покупателя — Чичиковъ.

Вся эта чисто — русская бытовая конъюнктура понравилась Пушкину, какъ художественный замыселъ, какъ узелъ событій. Фабула, созданная самой русской дѣйствительностью, состояла изъ трехъ весьма важныхъ моментовъ: изъ путешествія съ этой цѣлью по всей Россіи, изъ покупки мертвыхъ душъ и изъ возможности путемъ развитія литературной фабулы раскрыть настоящую русскую жизнь во всѣхъ мелочахъ ея быта.

Пушкину понравилась и фамилія героя; — Чичиковъ.

Въ самомъ замыслѣ — покупать мертвыя души съ цѣлью спекуляціи — было что — то глубоко комическое, но комическое не въ смыслѣ комедіи, простого смѣха отъ хитро-сплетенной фабулы, а комическое въ смыслѣ англійскаго юмора, въ смыслѣ смѣха сквозь слезы. Самое опредѣленіе юморъ — смѣхъ сквозь слезы — было найдено Пушкинымъ у англійскихъ сатириковъ.

Съ точки зрѣнія вышней формы изложенія руководящими литературными примѣрами должны были быть — «Путешествіе изъ Петербурга въ Москву» А. А. Радищева, «Сентиментальное путешествіе по Франціи и Англійи» Лаврентія Стерна и «Донъ — Кихоть Ламанчскій» Сервантеса. Эти сочиненія Пушкинъ настойчиво требуетъ прочесть, по возможности въ подлинникъ, и даже требуетъ отъ Гоголя отчета.

Со стороны заглавія новаго произведенія все было готово, сама русская жизнь дала и заглавіе и героя: «Мертвыя души» и Павелъ

*) Письма Н. В. Гоголя, т. 1, стр. 329.

Ивановичъ Чичиковъ.

Пушкинъ, взявшій на себя руководительство развитіемъ и направленіемъ Гоголя, подробно выяснилъ ему не только самый сюжетъ, но и планъ романа. Онъ ему выяснилъ, какъ, въ чемъ и съ какой стороны долженъ воспользоваться Гоголь своими наблюдениями надъ Россіей.

Гоголь же для обновленія своихъ впечатлѣній уѣхалъ въ началѣ мая 1835 года къ себѣ въ Васильевку на Полтаву черезъ Москву, Подольскъ, Курскъ и Харьковъ и возвратился въ Петербургъ черезъ Москву только въ сентябрь.

Предъ зоркимъ глазомъ наблюдателя - юмориста снова прошла вся Россія, но эта наблюдательность была уже не наблюдательностью молодого, неопытного писателя въ силу внутренней потребности наблюдать, а наблюдательностью писателя, знающаго определенную цѣль своихъ наблюдений.

Пушкина Гоголь не видѣть больше полугода.

7 октября 1835 г. онъ пишетъ Пушкину:

«Рѣшаюсь писать къ вамъ самъ; просилъ прежде Наталью Николаевну, но до сихъ поръ не получилъ извѣстій. Пришлите, прошу васъ убѣдительно, если вы взяли съ собою, мою комедію, которой въ вашемъ кабинетѣ не находится, и которую я принесъ для замѣчаній. Я сижу безъ денегъ и рѣшительно безъ всякихъ средствъ; мнѣ нужно давать ее актерамъ на разыграніе.

«Сдѣлайте милость, пришлите скорѣе и сдѣлайте наскоро хоть нѣсколько главныхъ замѣчаній.

«Началъ писать «Мертвыя души». Сюжетъ растянулся на предлинный романъ и, кажется, будетъ сильно смѣшонъ.

«Но теперь остановилъ его на третьей главѣ. Ищу хорошаго ябедника, съ которымъ бы можно коротко сойтись.

«Мнѣ хочется въ этомъ романѣ показать хотя съ одного боку всю Русь.

«Сдѣлайте милость, дайте какой - нибудь сюжетъ, хоть какой - нибудь смѣшной или несмѣшной, но русскій чисто анекдотъ. Рука дрожитъ написать тѣмъ временемъ комедію.

«Сдѣлайте же милость, дайте сюжетъ; духомъ будетъ комедія изъ пяти актовъ, и клянусь — куда смѣшнѣ чорта!

«Ради Бога, умъ и желудокъ мой оба голодаютъ. И пришлите «Женитьбу».

«Обнимаю васъ и цѣлую и желаю обнять скорѣе лично. Вашъ Гоголь».

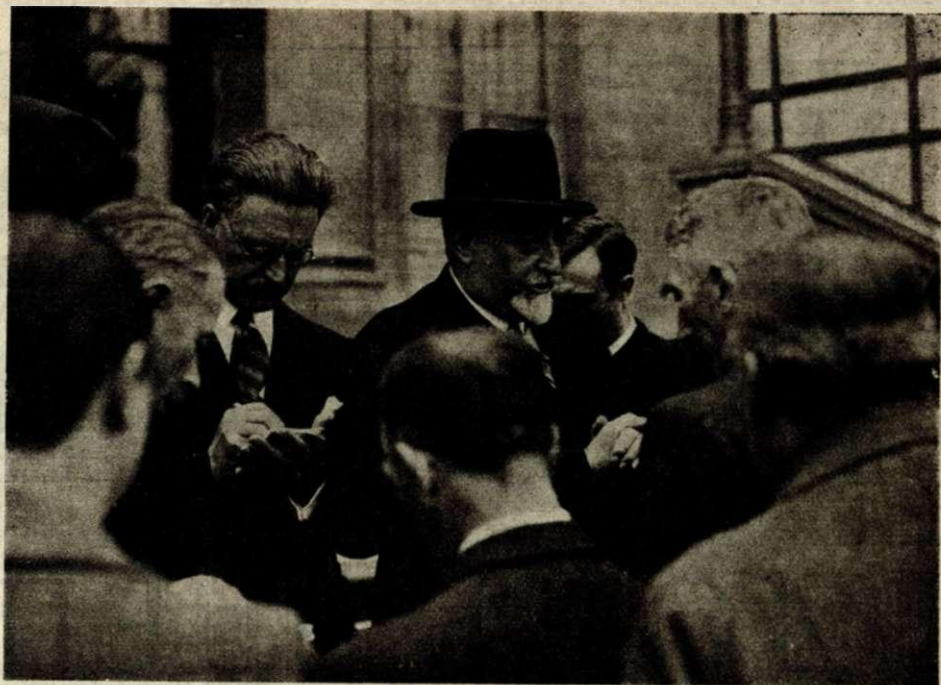
Такъ начался новый періодъ творчества Гоголя: изъ писателя мѣстнаго, провинціального быта онъ мало-по-малу превращался въ писателя нравовъ, въ писателя - юмориста, въ писателя, смѣющагося надъ Русью во имя высшихъ идеаловъ ея совершенствованія, смѣющагося сквозь грусть и слезы.

На просьбу Гоголя дать ему сюжетъ для комедіи, Пушкинъ даетъ ему то, что случилось съ нимъ во время его поѣздки въ Оренбургскія степи для собиранія матеріаловъ по исторіи Пугачевского бунта, когда онъ самъ былъ принятъ провинціальными властями за ревизора.

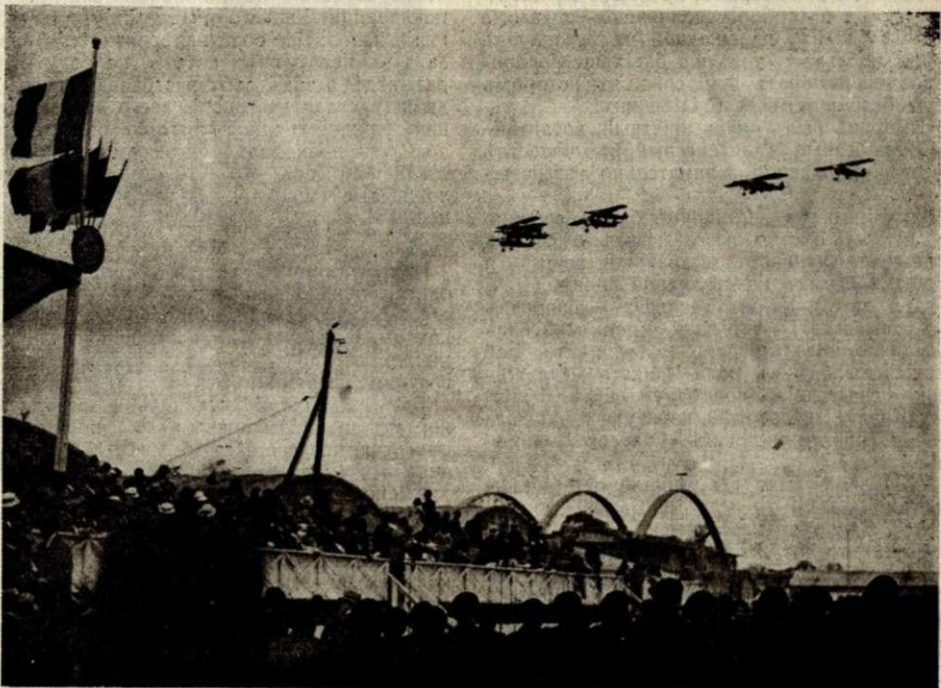
Гоголь хорошо знаетъ бытъ и типы русскихъ чиновниковъ и въ провинціи (въ Малороссіи) и въ Петербургѣ и потому горячо принялся за работу.

«Ревизоръ» создавался въ мукахъ творчества и часто переправлялся.

13 апрѣля «Ревизоръ» былъ сыгранъ въ Петербургѣ на Александринской сценѣ. Присутствовали государь и дворъ.

МИНИСТЕРСКИЙ КРИЗИСЪ ВО ФРАНЦІИ.
Предсѣдатель палаты Ф. Буиссонъ въ бесѣдѣ съ журналистами предъ образованіемъ кабинета, просуществовавшаго одинъ день.

АВИАЦИОННЫЙ ПРАЗДНИКЪ ВЪ ВИЛАКУБЛѢ.
Эскадрилья истребителей.

Противъ Гоголя поднялся въ обществѣ шумъ и ропотъ. Гоголь писалъ знаменитому артисту М. С. Шедрину въ Москву 29 апрѣля 1836 года.

«Дѣйствіе, произведенное ею (комедіей), было большее и шумное. Всѣ противъ меня. Чиновники пожилые и почтенные кричатъ, что для меня нѣтъ ничего святого, когда я дерзнулъ такъ говорить о служащихъ людяхъ; полицейскіе противъ меня; купцы противъ меня; литераторы противъ меня. Бранятъ и ходятъ на пѣсу.

«Малѣйшій призракъ истины — и противъ тебя встаютъ, и не одинъ человекъ, а цѣлая сословія. Воображаю, что же было бы, если бы я взялъ что - нибудь изъ Петербур-

ской жизни; которая мнѣ больше и лучше теперь знакома, нежели провинціальная.

«Досадно видѣть противъ себя людей тому, который ихъ любитъ, между тѣмъ, братскою любовью».

Разочарованный отношеніемъ публики къ «Ревизору», нравственно потрясенный, уѣхалъ Гоголь за - границу, не простившись съ Пушкинымъ.

Гоголь уѣхалъ развѣтаться, но въ душѣ онъ несъ желаніе создать нѣчто крупное, величественное, нерукотворенный себѣ памятникъ. Этотъ памятникъ былъ «Мертвыя души». Гоголь весь ушелъ въ созданіе этой новой поэмы.

К. Н. Михайловъ.